



«Из искры возгорится пламя!»... Ответ декабристов Пушкину

Ленинская ИСКРА

№ 12(154) ★ декабрь 2022 г. ★
Основана в декабре 2006 года

Городская общественно-политическая газета 12+

Сергей Сметанин 1966 ПОЭМА О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ Санкт-Петербург 2021

(Продолжение. Начало в № 9-11 за 2022 г.)

За эту, крепко взявшись, сердцевицу
Я выведу повествованья нить
И памятную завершу картину,
Когда настанет время завершить.

Пока же час прощанья не пришёл,
Рассказ неторопливый продолжаю:
В то лето занимал меня футбол,
Как [нынче всех, кого я только знаю](#).

[Серебряников](#), [Яшин](#), [Шестернёв](#),
[Численко](#), [Поркуян](#) и [Хусаинов](#)
Влетали, впечатления раздвинув,
Легендами обводок и голов.

[Эйсебио](#) светил издалека
Ничуть не хуже [Месси](#) и [Роналду](#),
Направив бутсы мах наверняка,
Как кованую, тяжкую кувалду.

Так море бороздит могучий шквал,
Так степь пересекает вихрь сердитый —
Он так по краю поля пробегал,
Как будто вовсе не было защиты.

Но на баяне, занятый не слишком,
Я продолжал трудиться по часам,
Завидуя гоняющим друзьям —

Свободным от [арпеджио](#)⁶ мальчишкам.

Желая меньше сопереживать,
Отвлечься от футбола хоть немного,
Стал на колене книгу раскрывать
Под гаммы, исполняемые строго.

И в становленье русского таланта
Вполне катастрофическую роль
Сыграли "Дети капитана Гранта"
И старый Лир — шекспировский король.

Но в поле к футболистам то и дело
Душа моя свободная летела
По мягкой травке с кожаным мячом
На край земли с закатным кумачом.

Настенные часы вращали стрелки
Так слабо, их хотелось подвести,
Но время, как ты стрелки ни крути,
Увы, не поддаётся переделке.

Правители сегодняшней страны
С историей колдуют, как с часами,
Похоже, плохо понимая сами,
Зачем они стране моей нужны.

"Обогатись во что бы то ни стало!" —

Вот слоган неделимый, словно ртуть,
Таких и прежде множество бывало,
Скрывающих [токсическую](#)⁷ суть

За формой блистательно-живою,
За видимостью счастья и добра,
Которой мы не приняли с тобою —
Успела устареть ещё вчера.

Но попытаться я не премину
В порядке вдохновенного протеста
Спасти почти убитую страну,
Хотя бы на странице гипертекста.

VIII

В СССР превозносился труд,
Росла почёта каменная башня
Не для того, что вдруг её снесут
И разнесут... Не очень-то изящно.

Но славы был разрушен пьедестал:
Едва от пыли воздух стал свободным —
Достаток торгаша почётен стал
С названием его международным.

Моё!!! Предпринимательство в чести!
Хвала наживе грубой и безмерной,
Умению вкруг пальца обвести,
Предательской свободе лицемерной!

Везде к деньгам позорное влечение.
Хотя давно бы можно и понять,
Что без труда счастливым можно стать
Лишь временно, и то как исключение.

А честный труд, как первая любовь,
Питая душу, в сердце не ржавеет,
Здоровую к лицу приносит кровь
И на щеках румянцем розовеет.

Трудолюбивым исстари везёт,
Особенно при справедливом строе.
Так шли по свету все наперечёт
Мои несовершенные герои.

Мой дедушка из пенсии своей
В тогдашних "новых" семьдесят рублей
Платил за лучший облик не напрасно
И в модной шляпе выглядел прекрасно.

За всю-то жизнь ничем не торговал,
"Не ежживал" на ярмарку с товаром,
Зато в рабочий мир пришёл недаром,

Где головой да силой рисковал.

Он был доволен собственной судьбой,
Советским строем и его законом,
Брил щёки, крепко пах одеколоном —
Спокойный и сознательный герой.

И я, его потомок, чуждый лени,
Далёк от кумовства и воровства,
Жестоких катастроф и преступлений,
Ловил его весомые слова:

— В народе говорят, мой милый внучек,
Я слышал, за учёного дают
Двух неучёных. А за спрос не бьют.
Не уважают только белоручек.

Тянись, брат. Те, кто вислыми бывают,
От жизни много горя принимают".
Седой наперсник игрищ и забав —
Мой дедушка был совершенно прав.

Ровесников от всей души любя,
Я, милый дед, не предавал тебя.
В СССР — предмете всех сердец —
Ты был мой абсолютный образец.

Легко ль представить в двадцать первом веке,
Что бабушку ты полюбил навеки
И верность, как иные чудаки,
Ей сохранил до гробовой доски.

Ты нравился душевной простотой,
Свободой делать верные поступки,
И слов твоих бесценные скорлупки
Дороже мне посуды золотой.

Я переколотил её немало,
Когда жене на кухне помогал,
И счастья мне за это перепало
Достаточно, как и предполагал.

За остальное я обязан деду:
Учил и находить, и достигать,
И дела, отведённого на среду,
До дождичка в четверг не задвигать.

И к чёрту в ад не лезу я заранее,
И душу очищаю в сей момент:
Когда умеешь исполнять желание,
Зачем тебе его эквивалент?

Без лишних слов и навыков парторга
Мой дедушка с детьми преуспевал:

Он за усы давал себя потрогать,
И тем успешно к миру призывал.

А что нам нужно было, кроме мира,
Того, что привлекает и зовёт,
В котором есть и страсть, и честь мундира,
Который нам покоя не даёт.

И мне не важен поиск виноватых,
Когда Гагарин смотрит из глубин
Тех легендарных лет шестидесятых,
Со мною дотянувших до седин.

Была. Была великая держава,
Бескрайняя советская страна,
Где мы на счастье все имели право
И где на нас надеялась она.

Что значит счастье? Счастливы весь народ,
Когда страна к могуществу идёт,
И будет он, естественно, не в духе,
Когда она в упадке и в разлухе.

Проста, ребята, истина, проста
Поистине такое ощущение:
Чем зеркала нежнее чистота,
Тем выглядит вернее отражение.

IX

Теперь о Лене надо рассказать —
Моей прекрасной [пассии](#)⁸ невинной,
В истории занятой и не длинной
Сердечные порывы передать.

Мы жили с ней на том же этаже
В одном огромном, современном доме,
Видались в школе, впрочем, чаще — кроме:
Был двор, а не проходы в гараже

Вдоль линий [ипотечных](#)⁹ иномарок.
Игре детей [газгольдер](#)¹⁰ не мешал,
Там волейбол извечно процветал
И день сиял безоблачен и ярок.

За столиком играли старики
В шестьдесят шесть и в домино стучали,
И мы с мячом, ей-богу, не сучали
От горестной заботы далеки.

Какой она красавицей была?
Из тех, что взгляд не сразу покоряют,
Но сердце постепенно привлекают,
Ведя на вдохновенные дела.

Конечно, отточив на людях глаз,
И бескорыстный опыт представляя,
Я это понимаю лишь сейчас —
Таким уж был наивненьким тогда я.

Она была моложе лишь на год,
Причём казалась года на два старше —
С какой-то хрупкой аурой монаршей
Брала моё сердечко в оборот.

Томительным восторгом обуян,
К высокому весьма предрасположен,
Я чувствовал себя как Д`Артаньян —
Задиристо-рассеян и тревожен.

Наверняка, ей было невдомёк
Моё смешное сказочное чувство,
И весело мне было или грустно —
Горел в глазах лучистый огонёк.

"Привет" ли говорила, или "здрассте",
Иль мимо проходила между дел —
Она спокойно источала счастье,
И мир во мне взвивался и летел.

Я о семье её совсем не слышал,
Скорей всего — обычная семья,
И кто бы на балкон из них ни вышел —
Казались мне роднее, чем друзья.

Короче, это было не иначе,
Чем волшебством чарующей любви,
Восторгом молодой ещё, горячей
И многого не знающей крови.

Что делать с этим не соображая,
Я продолжал любить, учиться, жить
И в школу музыкальную ходить,
Куда пока вела тропа земная.

Ничто моей судьбы не омрачало,
Никто её испакостить не мог,
То было жизни светлое начало,
Надежды удивительный залог.

Казался мир старинным и бессмертным,
Давно прошедшей страшная война,
И времени звенящая струна
Томила предвкушением концертным.

Однажды в нашем клубе для детей,
В подвале, там, где в теннис мы играли,
Мы стулья для игры переставляли

В одной из развлекательных затей.

И Лена, веселясь, кружилась рядом,
Я на неё старался не смотреть,
Боялся потревожить лишним взглядом,
Готов был от восторга умереть.

И приключилось рядом с Леной сесть.
О, боже! Это выдержать? О, боже!
Остаться! Сохранить мужскую честь!
Но я с собою справился, похоже.

И как я не сбежал, не представляю,
О том стараясь виду не подать
И про себя одно переживая:
— Ну, как же мне с собою совладать!

Да, трудно мальчугану из совхоза
Привыкнуть сразу к жизни городской,
А прикоснуться к девочке такой
Хотя бы локотком — отнюдь не проза.

Бок о бок приземлился голубок:
Такое полусказочное диво!
Она была милее, чем цветок,
Причёсанная просто и красиво.

Когда б со мною был мой добрый "[ФЭД](#)"¹¹,
Я попросил бы друга сделать фото,
И получил из прошлого привет,
Хотя бы для себя, не для кого-то.

Душа взлетала, падала опять,
В один поток сливались ощущения,
Короче, невозможно описать,
Как пережил безумный миг общения.

Сегодня с высоты прошедших лет
Взираю на несчастного героя,
Я сделал бы его смелее втрое,
Но в прошлое, увы, возврата нет.

К тому же в те года, скажу я вам,
Уж как бы ни манило нас веселье,
Мы скоро расходились по домам,
Далёкие от лени и безделья.

Так, не делясь на "чётких пацанов",

И "ботанов", как нынешние дети,
Мы верили в весну на всей планете —
И мир блистал, загадочен и нов.

Х

Я не застал традиций старины
Купеческой, церковно-православной,
И целью дней достойно-своенравной
Мы были широко увлечены.

Мы знали, что наступит коммунизм,
Закончатся грабительские войны
На Западе... И заживём спокойны.
Профессора сказали бы — [трюизм](#)¹²!

Газетами (в любой передовой),
Журналами (в любом киножурнале)
Бурлил и проливался труд живой,
И мы его безмерно почитали.

Мир и война, победа и беда,
Свершенья и предвиденья науки —
Всё измерялось мерою труда
И восхищало глаз, и жгло нам руки.

Не всё, конечно, было по плечу,
И юность не на всё была готова,
Но мы хотели жить "по Ильичу",
И что, скажите, было в том плохого?

Учиться "на четыре" и "на пять",
Заботиться и думать о народе?
Крестьян в полях, рабочих на заводе
За главное в Союзе представлять?

Единство этих простеньких причин,
Которое светло бродило в каждом,
Из нас творило женщин и мужчин,
Но, много прежде, — личностей и граждан.

Типичная поэзия труда —
Земного и небесного начала —
Пронизывала общество тогда
И песней в голове моей звучала.

(Продолжение следует).